

- Она же, королева, даде страха своего ради клятвенное слово, что не поведати никому. Тогда адмирал бысть радостен и нача ея лобзати и с нею забавлятися. А как он российского матроза Василя бив и за дверь из горницы карабельной выкинул и велел своим матросам ево кинуть в море, тогда ево матросы взяша в кают корабельной и думали ево в море бросить по приказу адмиральскому. Токмо вспомянули об нем, что он в Цесарии был к ним милостив и много давал им червонных и сожалели об нем напрасно погубить. Токмо опасны были адмирала и недомышляху, какую ему способу учинить. А он ко всем им припадаху у ног и милости и способу о спасении своем просил слезно. И как прилучися им плыть блиско малого некоего островка, на нем же бе кусты ракитовые великия, густыя. Они же, матрозы флоренския, то усмотря, сыскали в корабле судно маленькое, называемы челночик, ||
- л. 23 яко одному человеку вместитись, и взявши ево, российского матроза, блиско того островка посадили в тот челночек и даша ему некоторую малую лопатку, чтоб ему можно перегрести к островку, и рекоша ему: „Государь наш милостивый, российской матроз и брат царев, прости и не помяни нашей к себе злобы, понеже не от нас сие над тобою такое несчастье учинилось, и прости нас“. И пустили, а сами на корабле поплыли. И сказали адмиралу, что на него навязав пушечное ядро и потопили в море. И адмирал в той надежде остался, что ево жива не оставели, и быст радостен и матросам и афицерам своим даде всякого поила довольство, и веселились во все путешествие. А российской матроз Василей в малом чолночку доплыл до островка и сел в густых кустах. А как они ево в чолнок посадили, даша ему три хлеба на пропитание, и он, российской матроз, взял те хлебы выложил
- л. 23 об. на остров и челнок вытащил и нача на том острове пребывать. || Сяду ему на острове, российскому матрозу Василю и плачущуся горко, неутешно и держателя господна на помощь призывающе, сиде глаголя: „Господи, боже милостивый и щедрый ты, господи, заблудших спасаеши и от напасти избавляеши. Аз есмь грешный и недостойный и во всех грехах повинны и несть достойны до добрих дел, и не смею во грехах своих возрети на высоту небесную, но ты, господи, не хощеши погубити человека, но всякого желаеши спасти и на истинны путь наставити. Помилуй мя, яко немощен есмь, исцели мя, господи, от напасти сея, извести мя от непроходных сих мест, яко пресельник и раб твой есмь и на ты уповаю. Буди, господи, воля твоя надо мною“. Сия ему глаголящу, внезапно предста в видении ему старый муж, сединами украшен. Егда ему видети, бысть он, российской матроз, прирашен. И рече той старый муж к нему: „Что, человекче, скорбиши, о чем
- л. 24 печалишся? Возверзи на господна печаль твою, || яко той спасет тя от печали твоей. Куда твое намерение? В которую страну извести тя, в Цесарию или во Флоренцию?“. Он же рече: „Господине мой, кто еси ты таков избавитель мой явился? Повеждь ми“. Он же отвещав, старый муж, к нему: „Аз есмь раб божий, хожду по морям, заблудших извожду, помощи подаю“. Рече российской матроз: „Господине мой, желание имеется быть во Флоренции“. Тогда он, старый муж, взя малое судно и посади российского матроза в то малое судно, а сам он, сидя на корме с веслом, нача грести, таково быстро побеже морем, яко быстрее облака поднебснаго. И во един час прибегоша на пристань Флоренскаго королевства. Тогда он, старый муж, рече: „Перейди в королевство“. Он же, российской матроз, хотя с себя дати платье доброе, в котором был в Цесарии убран вельми изрядно, что весь в позументах, с камением бриллиантовым и искрами алмазными. И он,